

УДК 811. 511.132

Федосеева Елена Николаевна
г. Сыктывкар, ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
lenafed@rambler.ru

К ВОПРОСУ О ДИАЛЕКТНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА¹

Аннотация. В статье рассмотрена общепринятая классификация диалектов собственно коми-пермяцкого языка, а также

¹ Публикация подготовлена в рамках плановой темы НИР «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья» (рег. № 121042600252-7).

верхнекамского и коми-язьвинского наречий. Проанализированы изменения, произошедшие в диалектах, уточнено место коми-язьвинского и верхнекамского языковых разновидностей.

Ключевые слова: диалект, коми-пермяцкий язык, верхнекамское наречие, верх-язьвинский диалект.

В настоящее время в коми-пермяцком языке принято выделять восемь диалектов: кочевский, косинско-камский, мысовский, верх-лупьинский, относящиеся к северному коми-пермяцкому наречию, и кудымкарско-иньвенский, нижнеиньвенский, нердвинский, оньковский, объединенные в южное наречие. Эта классификация была предложена известным коми-пермяцким диалектологом Раисой Михайловной Баталовой в ее монографии «Коми-пермяцкая диалектология» (Баталова 1975).

В начале 2000-х гг. был поднят вопрос о самостоятельности мысовского и верх-лупьинского диалектов. Мысль о нецелесообразности их разделения была высказана нами в сообщении на симпозиуме «Пермистика–IX» (Федосеева 2002). Были указаны выделенные Р.М. Баталовой особенности мысовского и верх-лупьинского диалектов, а также дана оценка современному состоянию языковых разновидностей, в результате чего был предложен новый рабочий термин «мысовско-лупьинский диалект», обозначающий новую территориально-диалектную реальность, возникшую в результате различных социально-экономических процессов (Федосеева 2002). Эта точка зрения получила развитие в диссертационном исследовании Л.Г. Пономаревой «Фонетика и морфология мысовско-лупьинского диалекта коми-пермяцкого языка» (Пономарева 2002). Проанализировав фонетические и морфологические особенности данных языковых разновидностей, в составе мысовско-лупьинского диалекта исследователь выделила мысовский и лупьинский говоры. Позже в работе пермских ученых Т.Г. Голевой, И.А. Подюкова, Л.Г. Пономаревой, А.В. Черных «Лупьинцы: история, культура, язык» (Лупьинцы 2011) и работе Л.Г. Пономаревой «Речь северных коми-пермяков» (Пономарева 2016) уже используется термин «мысовско-лупьинский диалект».

Второй пункт, на котором хочется остановиться – оньковский диалект. Оньковский диалект коми-пермяцкого языка, по сведениям

Р.М. Баталовой, был распространен на территории Оньковского сельсовета Юсьвинского района в с. Большие Они, деревнях Малые Они, Потапова, Заполье, Васьканова, Евсина, а также в деревнях Исыл, Бусыгино, Артюшово и Питер, жители которых в 30–50-е гг. были переселены в более крупные населенные пункты (Баталова 1975: 224–226). В монографии, посвященной оньковскому диалекту, Р.М. Баталова отмечает, что на территории распространения оньковского диалекта в 1962 г. проживало около 1 тыс. человек, в том числе говорящих на диалекте 135 человек, а по данным 1987 г. – всего 15 носителей. Переписью 1979 г. коми-пермяцкое население не зафиксировано (Баталова 1990: 7–9).

В настоящее время территория распространения оньковского диалекта входит в состав Майкорского сельского поселения. Из указанных ранее населенных пунктов, в которых проживали носители оньковского диалекта, ныне существуют с. Они с населением 298 человек (на 1 января 2018 г.) и д. Потапово с населением 9 человек. Сведения о национальном составе отсутствуют, однако на сайте сельского поселения указано, что «Поселение самобытно в этнокультурном отношении, проживают русские, татары, коми-пермяки. Есть и другие народности, но они в малом количестве». Во время экспедиции 2019 г. в с. Они и п. Майкор нами проводилась работа по поиску носителей оньковского диалекта. Мы обращались к старожилам с. Они с целью выявления людей, говорящих на оньковском диалекте и на коми-пермяцком языке. Носители коми-пермяцкого языка, которые были выявлены в ходе работ, по языковым характеристикам оказались носителями нижнеиньвенского диалекта. Со слов информантов, еще несколько лет назад в селе были носители оньковского диалекта, но к настоящему времени они уже умерли.

Таким образом, в ходе экспедиции нам не удалось выявить ни одного носителя оньковского диалекта, в связи с чем, вероятно, его можно считать утраченным.

В качестве одной из основных особенностей диалекта Р.М. Баталовой указана нуль-веовость, заключающаяся в том, что звук *в* перестал быть фонемой и является вариантом фонемы *л*. Исследователь отмечает, что имеются случаи смешения *л* с *в*: *лок* и *вок* ‘иди сюда’, *миськалны* и *миськавны* ‘мыть’ и выдвигает

предположение, что смешение *л* с *в* – вполне закономерное явление на стадии исчезновения последнего, уже утратившего свою фонематичность (Баталова 1975: 225–226).

В учебном пособии А.С. Кривошековой-Гантман и Л.П. Рагтеговой «Коми-пермяцкие говоры» оньковский диалект отнесен к *л*-диалектам, «фонема *л* в нем представлена в тех же позициях, что и в северных говорах и в нердвинском диалекте: *полны* ‘бояться’, *кълны* ‘слышать’ (Коми-пермяцкие говоры 1980: 17). Нуль-веовость диалекта не нашла отражения ни в характеристике диалекта, ни в образцах речи носителей оньковского диалекта, представленных в указанной работе: *ог вермы* ‘не могу’, *ветлыны* ‘сходить’, *сивой корисо* ‘силой просили’, *вол* ‘лошадь’ и т.д. (Коми-пермяцкие говоры 1980: 46).

Ввиду отсутствия носителей оньковского диалекта, уточнить наличие или отсутствие нуль-веовости данного идиома уже не удалось.

Последними аудиофиксациями на оньковском диалекте коми-пермяцкого языка, по нашим сведениям, являются записи диалектологической экспедиции сотрудников отдела языка Института языка, литературы и истории Коми НЦ под руководством Т.Н. Меркушевой, произведенные в 1999–2001 гг. Однако записи производились на пленку, качество их очень низкое.

Кроме собственно коми-пермяцких языковых разновидностей, к коми-пермяцкому языку было принято относить еще два коми идиома – верхнекамское наречие и коми-язьвинский диалект.

Вопрос о статусе коми-язьвинского идиома, а также о его месте в общекоми пространстве остается открытым до сих пор. Исследователи использовали разные наименования для его обозначения и разную терминологию: например, коми-язьвинское наречие, наряду с коми-пермяцким и коми-зырянским (Лыткин 1955: 10) или коми-язьвинский диалект, значительно отличающийся от коми-зырянского и коми-пермяцкого наречий (Лыткин 1961), коми-язьвинское наречие (наряду с коми-зырянским и коми-пермяцким (Тепляшина, Лыткин 1976: 106), коми-язьвинский язык, наряду с удмуртским, коми и коми-пермяцким (Кривошекова-Гантман 2006: 90), коми-язьвинское наречие, одно из четырех коми-пермяцких наречий наряду с северным, южным, верхнекамским (Баталова 2002), коми-язьвинское наречие, одно из трех наречий коми диалектного

континуума (Цыпанов 2008), коми-язьвинский язык (Чагин 2002; Усачева 2019). Р.В. Гайдамашко и Ю.А. Шкураток отмечали, что «несмотря на близость всех трех “наречий коми диалектного континуума”, изолированность коми-язьвинцев от остальных групп коми, приведшая к формированию особого этнического самосознания, а также специфические черты вокализма и грамматики делают невозможным использование язьвинцами как коми-пермяцкого, так и коми-зырянского литературных языков» (Гайдамашко, Шкураток 2019: 577).

Таким образом, исследователи подчеркивали обособленность коми-язьвинского идиома и то, что он имеет особенности, отличающие его как от коми-пермяцких, так и от коми-зырянских разновидностей, что дает основания считать его отдельным языком. В настоящее время коми-язьвинская языковая разновидность чаще всего рассматривается, как отдельный язык наряду с коми-зырянским и коми-пермяцким (Усачева 2019: 151; Гайдамашко, Шкураток 2019; Норманская 2020 и др.).

Для верхнекамского идиома также имеется ряд названий – верхнекамское наречие коми-пермяцкого языка (Баталова 1975; Букварь 2019), зюздинское наречие, зюздинский диалект (Лыткин 1955; Нечаев 1930), нейтральное – язык кировских пермяков (Сажина 2016, 2018, 2021; Федосеева 2008, 2011).

В состав коми-пермяцкого языка идиом кировских пермяков включала Р.М. Баталова (Баталова 1975: 20). В работе «Коми-пермяцкая диалектология» она отмечает, что верхнекамское наречие является одним из переходных «диалектов» между коми-пермяцким и коми-зырянским языками, а также что его языковые черты, общие с коми-зырянскими, «не являются преобладающими, т.е. в наречии преобладают коми-пермяцкие черты» (Баталова 1975: 21). Иная точка зрения была у В.И. Лыткина, который, опираясь на данные Г. Нечаева, в «Диалектологической хрестоматии по пермским языкам» представил его как промежуточный говор между коми-пермяцкими и коми-зырянскими говорами и указал, что «зюздинский говор ближе всего стоит к верхнесысольскому говору коми-зырянского наречия, имеющему наряду с коми-зырянскими чертами также ряд коми-пермяцких особенностей» (Лыткин 1955: 17). Сомнения относительно отнесённости верхнекамского наречия

к коми-пермяцким диалектам высказывал Е.А. Цыпанов. По его мнению, данная территориальная разновидность коми языка, являясь своеобразным переходным диалектом, не может быть отнесена ни к коми-пермяцким, ни к коми-зырянским диалектам (Цыпанов 1990).

В ряде современных работ С.А. Сажинной верхнекамский идиом традиционно называется «верхнекамским наречием коми-пермяцкого языка» или «языком кировских пермяков», однако автор отмечает: «Функционируя и развиваясь в течение нескольких веков в условиях изолированности и сильного иноязычного воздействия, язык кировских пермяков приобрел целый ряд специфических особенностей, вместе с тем он сохранил основу, обнаруживающую наибольшее сходство с южными коми-зырянскими диалектами (большей частью с верхнесыольским)» (Сажина 2016).

Анализ лексики верхнекамского наречия показал, что граница между верхнекамским наречием и коми-пермяцким языком является более четкой и устойчивой по сравнению с более размытой коми-зырянской (Федосеева 2008, 2015). Этот факт, вероятно, говорит о большей связи верхнекамского наречия с коми-зырянским языком (особенно с южными диалектами).

Таким образом, отнесение верхнекамского идиома к коми-пермяцкому языку тоже условно и, возможно, требует уточнения.

Литература и источники

Баталова Р.М. Коми-пермяцкая диалектология. – М.: Наука, 1975. – 252 с.

Баталова Р.М. О месте языка коми-язьвинцев в структуре пермских языков // Пермистика IX: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: Межвузовский сборник научных трудов. – Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2002. – С. 131–139.

Баталова Р.М. Унифицированное описание диалектов уральских языков. Оньковский диалект коми-пермяцкого языка. – М., 1990. – 205 с.

Букварь 2019 – Букварь: Учебное пособие для 1 класса (на верхнекамском наречии коми-пермяцкого языка) / Авт.-сост. Ичетовкина Н.Е., Меркучева Н.Е., Тебенькова В.Е., Федосеева В.В. – Кудымкар: ГБОУ ДПО «Коми-Пермяцкий институт повышения квалификации работников образования», 2019. – 72 с.

Гайдамашко Р.В., Шкуратов Ю.А. Современное состояние коми-язьвинского языка // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2019. – № 4.

Коми-пермяцкие говоры – Кривошекова-Гантман А.С., Ратегова Л.П. Коми-пермяцкие говоры (учебное пособие). – Пермь, 1980. – 69 с.

Кривошекова-Гантман А.С. О некоторых закономерностях развития грамматического строя (на материале пермских языков финно-угорской группы // Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. – Вып. 3. – Т. 1. – Пермь, 2006. – С. 89–101.

Лупинцы 2011 – Лупинцы: история, культура, язык. Этнолингвистический сборник / Т.Г. Голева, И.А. Подюков, Л.Г. Пономарева, А.В. Черных. – Пермь: ИД Типография купца Тарасова, 2011. – 142 с.

Лыткин В.И. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам (с обзором диалектов и диалектологическим словарём). – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 126 с.

Нечаев Г.А. Характеристика зюдинского диалекта коми языка // Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка. – Сыктывкар: Центриздат, 1930. – Вып. 1. – С. 1–21.

Норманская Ю.В. Коми-язьвинский – диалект коми-пермяцкого или отдельный язык? // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2020. – Т. 14. – № 4. – С. 628–641.

Пономарева Л.Г. Речь северных коми-пермяков. – М: Языки народов мира, 2016. – 513 с.

Пономарева Л.Г. Фонетика и морфология мысовско-лупинского диалекта коми-пермяцкого языка: дисс. ... к. филол. н. – Ижевск, 2002. – 206 с.

Сажина С.А. Реализация грамматических категорий глагола в языке кировских пермяков // *Linguistica Uralica*. – 2018. – № 1. – С. 40–52.

Сажина С.А. Фонетические и морфологические маркеры языка кировских пермяков // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2016. – № 2 (12). – С. 40–48.

Сажина С.А. Функционирование аффрикат в языке кировских пермяков // Вестник угроведения. – 2021. – Т. 11. – № 3. – С. 486–492.

Тепляшина Т.И., Лыткин В.И. Пермские языки // Основы финно-угорского языкознания (марийский, пермские и угорские языки). – М.: Наука, 1976. – С. 97–228.

Усачева М.Н. Эксперименты в полевой лингвистике как метод сбора данных и проверки научных гипотез (на материале пермских языков) // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2019. – Т. 13. – № 1. – С. 149–160.

Федосеева Е.Н. Диалекты северного наречия коми-пермяцкого языка на современном этапе развития // Пермистика IX: Вопросы пермской и финно-угорской филологии. Межвузовский сборник научных трудов. Удмуртский университет. Кафедра удмуртского языка и методики его преподавания. – Ижевск, 2002. – С. 426–434.

Федосеева Е.Н. Лексические особенности языка кировских пермяков // Пермистика XII: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. – Ижевск: УдГУ, 2008. – С. 338–342.

Федосеева Е.Н. О влиянии русского языка на язык кировских пермяков // *Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum. Dissertationes sectionum: Literatura, archeologica et historica.* – 2011. – С. 106–109.

Федосеева Е.Н. Общее и частное в лексике верхнекамского наречия коми-пермяцкого языка // Современное удмуртоведение в контексте компаративистики, контактологии и типологии языков. – Ижевск–Будапешт, 2015. – С. 505–511.

Цыпанов Е. А. Кама йывса комияс ордын // Войвыв кодзув. – 1990. – № 3. – С. 56–62.

Цыпанов Е.А. Сравнительный обзор финно-угорских языков. – Сыктывкар: Изд-во «Кола», 2008. – 288 с.

Чагин Г.Н. Коми-язьвинские пермяки – древний народ Северного Урала. – Красновишерск, Соликамск, 2002. – 16 с.